

Минц Белла Александровна

ДВЕ РЕДАКЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ О. МАНДЕЛЬШТАМА ОБ ИСААКИЕВСКОМ СОБОРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИВАРИАНТНОСТИ

В статье дан сравнительный анализ двух редакций стихотворения Мандельштама об Исаакиевском соборе в контексте проблемы поливариантности, т.е. характерного сосуществования в поэзии и творческом сознании Мандельштама разных версий лирических текстов и мотивных комплексов. Процесс переработки стихотворения поставлен в связь с глубинными процессами творческого самоопределения поэта. Автором статьи предложена собственная гипотеза, объясняющая изменения, внесённые Мандельштамом в стихотворение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 113-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161

Филологические науки

В статье дан сравнительный анализ двух редакций стихотворения Мандельштама об Исаакиевском соборе в контексте проблемы поливариантности, т.е. характерного сосуществования в поэзии и творческом сознании Мандельштама разных версий лирических текстов и мотивных комплексов. Процесс переработки стихотворения поставлен в связь с глубинными процессами творческого самоопределения поэта. Автором статьи предложена собственная гипотеза, объясняющая изменения, внесённые Мандельштамом в стихотворение.

Ключевые слова и фразы: поливариантность; мотивный комплекс; редакция; метафорика; образный код.

Ми́нц Белла Александровна, к. филол. н., доцент
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
bella-mints 7@yandex.ru

**ДВЕ РЕДАКЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ О. МАНДЕЛЬШТАМА ОБ ИСААКИЕВСКОМ СОБОРЕ:
К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИВАРИАНТНОСТИ©**

Существует две редакции стихотворения О. Мандельштама об Исаакиевском соборе. Одна из них («Люблю под сводами седья тишины...») считается основной. Она была опубликована весной 1922 года [16, с. 1]. Другая («Исакий под фатой молочной белизны...»), более ранняя, появилась впервые в берлинском издании «Tristia» [12, с. 74-75], которое автор отверг. Стихотворение не вошло ни во «Вторую книгу» (1923 г.), ни в «Стихотворения» (1928 г.). В предыдущей статье мы выдвинули предположение, что обе редакции могли сосуществовать в творческом сознании Мандельштама [14], здесь предпринимаем их сравнительный анализ, чтобы выявить некоторые механизмы поливариантности, которые стали специфическим свойством мандельштамовской поэтики.

Приведём текст, принятый текстологами как основной:

*Люблю под сводами седья тишины
Молебнов, панихид блужданье
И трогательный чин – ему же все должны, –
У Исаака отпеванье.*

*Люблю священника неторопливый шаг,
Широкий вынос плащаницы
И в ветхом неводе Генисаретский мрак
Великопостныя седмицы.*

*Ветхозаветный дым на тёплых алтарях
И иерея возглас сирый,
Смиренник царственный – снег чистый на плечах
И одичалые порфиры.*

*Соборы вечные Софии и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенского добра
И риги Новаго завета.*

*Не к вам влечётся дух в години тяжких бед,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчий след,
Ему ж вовеки не изменим.*

*Зане свободен раб, преодолевший страх,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах, в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры (Курсив наш. – Б. М.) [8, с. 154].*

А вот ранняя версия начальных строк:

*Исакий под фатой молочной белизны
Стоит седою голубятней,
И посох бередит седья тишины
И чин воздушный сердцу внятней.
Столетних панихид блуждающий призрак... (Курсив наш – Б. М.) [Там же, с. 270].*

Многообразны связи стихотворения с внутренним контекстом поэзии Мандельштама, например, с несобраным «христианским» циклом, в который, по мнению С. М. Марголиной, входят следующие тексты: «Вот дароносица, как солнце золотое...» (1915 г.), «Среди священников левитом молодым...» (1917 г.), «В хрустальном омуте такая крутизна...» (1919 г.) [13, с. 93]. «Исаакий» венчает и цепочку ранних стихотворений о соборах: «Notre Dame», «Айя-София» (1912 г.), «На площадь выбежав, свободен...» (1914 г.), «Здесь я стою – я не могу иначе...» (1915 г.), «В разноголосице девического хора...» (1916 г.). Этот текст завершает и линию стихотворений о вере: «Посох» (1914 г.), «Епсусіса» (1914 г.), «О свободе небывалой...» (1915 г.), «Эта ночь непоправима...» (1916 г.). Интегрирующие функции выполняют философско-религиозные идеи и соответствующий им мотивный комплекс, в котором переплетаются разные образные коды: архитектурный, природный, антропологический, литургический, ветхозаветный, евангельский, исторический. Исследователи справедливо указывают на образно-смысловые параллели к этому стихотворению в прозаических произведениях Мандельштама: «Скрябин и христианство» [24, р. 126-127], «Пшеница человеческая» [22], «Кровавая мистерия 9-го января» [4, с. 34-35], «Феодосия» [25, р. 122-123]. В статьях и очерке воплощаются сокровенные религиозные переживания поэта, его представление о свободной культуре-церкви, о христианском художнике, его смерти и миссии, о театре истории. На первый план выходит и пушкинская тема эссе «Скрябин и христианство», подкреплённая воспоминаниями о панихиде по Пушкину, проведённой в Исаакиевском соборе по инициативе Мандельштама зимой 1921 года [18, с. 122]. Прозаические параллели отчасти проясняют понимание символической роли Исаакия как последнего прибежища культуры-церкви, включаются как в исторический контекст (роль собора в 1920-е годы), так и в гумилёвский подтекст («Верной твердыней православья / Врезан Исакий в вышине») [2, с. 299].

Прокомментируем зачин ранней редакции стихотворения. При сравнении двух версий начала бросается в глаза, что ранняя отличается более яркой изобразительностью и более интенсивной метафоричностью, чем поздняя.

Исакий под фатой молочной белизны / Стоит седою голубятней. Заиндевелый собор уподоблен невесте, что намекает на традиционную христианскую символику (Церковь – невеста Христова) и на Откровения Иоанна Богослова: «И я Иоанн увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21: 2). Е. В. Завадская выделяет в творчестве Мандельштама линию, возводимую к образам Рая и Небесного Иерусалима и воплощённую либо в картинах преображённой земли, либо в метафорах «внутреннего храма» [3, с. 457]. Стихотворения о соборах включаются в эту линию. Однако применительно к первой строке раннего «Исаакия» речь идёт не об общей исследовательской метафоре, а о конкретной отсылке к Апокалипсису.

Образ Исаакия как «Небесного Иерусалима» заставляет вспомнить полемику о близкой, но противоположной аналогии: Петербург как земной Иерусалим. С. С. Аверинцев, опираясь на замечание Н. Я. Мандельштам о стихотворении «Среди священников левитом молодым...» (1917 г.) [5, с. 111], утверждал, что «в мандельштамовской системе шифров обречённый Петербург, именно в своём качестве имперской столицы, эквивалентен той Иудее, о которой сказано, что она, распяв Христа, – «каменела»: он связывается уже не с Римом, а со святым, богоотступническим и гибнущим Иерусалимом» [1, с. 38]. Имперские коннотации осложнены темой революции и её последствий, мыслью о судьбе Русской Церкви и петербургской культуры. В. В. Мусатов отвергает правомерность аналогии «Петербург – Иерусалим» [15, с. 173], касаясь, прежде всего, таких текстов, как «Эта ночь непоправима...» (1916 г.) и «Среди священников левитом молодым...». Существует, однако, опосредованная связь между ними и «Исаакием». Стихотворение «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...» (ноябрь 1917 г.), записанное в экземпляре «Камня», принадлежащем С. П. Каблукову, сразу после стихотворения «Среди священников левитом молодым...» [7, с. 560], вдохновлено тем же кругом тревог и упований, что «Исаакий». В одной из редакций оно содержало «иудейский» код: «Когда стугнется мрак над кончиком свечи, / Среди левитов тьмы останусь я в ночи» [Там же, с. 513]. Отвергнутый образ левита вряд ли случайно появился в «православном» окружении стиха, где лирический герой сравнивает себя с Тихоном, «поздним патриархом в разрушенной Москве» [8, с. 131]. Мандельштам использует иудео-христианский образный ключ, синтез ветхозаветных и евангельских мотивов для выражения своей мысли о судьбах России и своём предназначении. Стихотворение об Исаакиевском соборе, связанное с предыдущим ещё и метаморфозой образа «зёрен», сопрягает таинства брака и погребения и тем самым порождает ассоциации с обоими символами – Иерусалимом небесным и Иерусалимом земным. Общее сознание катастрофы и одновременная надежда на обновление находят наиболее точное воплощение в пасхальной образности «Исаакия»: описана Страстная пятница и «вынос плащаницы». Гибель и воскресение сосуществуют в сознании поэта.

Собор, похожий на голубятню, приобретает особую теплоту и соизмеримость с человеком, детством, наивным тяготением к небу, трепетом природной жизни. «Голубятня» – одна из существенных реалий поэтического мира Мандельштама: от домов-голубятен в полушутливой лунной утопии «На луне не растёт...» (1914 г.) и в стихотворении «Язык булыжника мне голубя понятней...» (1923 г.) до символа неистребимой жизни и обитаемого неба в двойчатке-завещании 1937 года «Заблудился я в небе...» («Голубятни, черноты, скворещины...» [10, с. 130]). В «московских» стихотворениях «В разноголосице девического хора...», «О, этот воздух, смутной пьяный...» (1916 г.) и «Сегодня можно снять декалькомани...» (1931 г.) лейтмотивом проходит сравнение соборов с голубятнями, которое в 1920-е годы инкорпорируется в образ райского сада: «Не диво ль дивное, что вертоград нам снится, Где реют голуби в горячей синеве» [8, с. 120]. Р. Пшибыльский считает голубей и голубятни постоянными образами-спутниками мандельштамовских соборов [25, р. 119-120]. «Голубятня, конечно, отсылает нас к присутствию Святого Духа», – полагает С. Голдберг [24, р. 125]. Этот очевидный ход мысли не исчерпывает семантики образа. За ним закрепляется значение «райского» символа, который либо самодостаточен в цельной утопической картине («Успенский, дивно закруглённый, / Весь

удивленье райских дуг, / И Благовещенский, зелёный, / И, мнится, заворкует вдруг» [8, с. 121]), либо приобретает амбивалентный смысл в контексте образов смуты и смерти.

Стихотворение «О, этот воздух, смутой пьяный...», по мнению С. Голдберга, «предвосхищает –Ев. Исаака». Так, в «Св.Исааке», написанном пять лет спустя, русское вино окончательно воссоединяется с хлебом» [24, р. 125]. Символы крови («А в запечатанных соборах, / Где и прохладно и темно, / Как в нежных глиняных амфорах, / Играет русское вино» [8, с. 121]) и тела Спасителя (вся разветвлённая «хлебная» метафорика «Исаакия») делают опыт религиозного переживания полным и отсылают к сюжету Тайной Вечери и Евхаристии. В свою очередь, от стихотворений «О, этот воздух, смутой пьяный...» и «Исакий под фатой молочной белизны...» протягивается нить к более раннему «евхаристическому» тексту – «Вот дароносица, как солнце золотое...» (1915 г.). С. Голдберг даже сравнивает Исаакиевский собор с диском, на котором выносят хлеб Евхаристии, напоминая, что этот ритуальный сосуд символизирует гроб Христа и что в своём эссе «Скрябин и христианство» Мандельштам назвал Исаакий «великолепным саркофагом» [Там же, с. 201]. Более того, в статье «Кровавая мистерия 9-го января» (январь 1922 г.) поэт говорит о «цельном, как дарохранительница, архитектурном слитке с ковчегом Адмиралтейства и саркофагом Исаакия» [9, с. 242]. Существенно, однако, что дискос – амбивалентный символ, метонимически представляющий пасхальную и рождественскую символику: он символизирует не только гроб Христа, но и его ясли.

«И посох берedit седья тишины / И чин воздушный, сердцу внятней». В этих строках помимо прочего происходит смена ракурса: с лицемерия собора извне к лицемерию богослужения и переживанию собственной причастности к происходящему. Архитектурный код переходит в литургический. Посох – ключевой образ в лирике Мандельштама, который прочерчивает пунктирную линию пути, по природе своей нелинейного. От ранних откровений («Посох», «Ода Бетховену», «Есть ценностей незыблемая скала...») к четверостишию 1936 года «Я в сердце века, путь неясен...», где разрабатывается этот образ, выстраивается своеобразный «мост»: мотив пути, насыщенный библейскими аллюзиями. Глагол «берedit» говорит о волевом усилии и обновлении религиозного чувства, о прокладывании собственного пути, требующего преодоления непреодолимого; подразумевается мысленное восхождение времён ветхозаветных пророков и времён Христа. С образом посоха неразрывно связана тема духовной свободы и свободного выбора. Подоплёкой может быть и судьба христианской Церкви, и судьба поэта. Пасхальный «чин воздушный», т.е. небесный, дающий свободное дыхание (см. о теме воздуха и дыхания: [20, с. 22-25; 26, р. 130-132]), содержит в себе экстраполяцию личных впечатлений поэта, отражённых в дневнике С. П. Каблукова [6, с. 257].

Столетних панихид блуждающий призрак. Слово «столетних» можно понять как намёк на панихиду по Пушкину, которую планировали провести в Исаакиевской церкви, ибо собор не был ещё к тому времени достроен. Однако множественное число («панихиды») придаёт строке обобщённый смысл «синхронистического акта» [10, с. 238] истории, в котором память о Спасителе сливается с памятью о Пушкине, а отпевание усопших в вере – с праздничным приветствием воскресшего из мёртвых.

Вторая редакция начала стихотворения об Исаакиевском соборе («Люблю под сводами седья тишины...») отмечена строгой простотой и скупой метафоричностью: сохранено «седья тишины», словосочетание «панихид блуждающий призрак» трансформировано в более простое «панихид блужданье». Этот зачин носит более личный характер и звучит в контексте того, что происходило в эти годы с Русской Церковью, как клятва в верности, кредо. «У Исаака отпеванье», возможно, более конкретное воспоминание о панихиде по Пушкину. Прибегая к прозрачной ясности, поэт акцентирует не столько эстетическое событие, сколько решающий поступок, который приобрёл почти сакральное звучание в его судьбе. Может быть, это одна из причин изменений, внесённых в стихотворение. Обращает на себя внимание более глубокий трагизм, отсутствие праздничной семантики, полный отказ от архитектурной метафоры. Несомненно, что такой зачин придаёт более скорбный характер всему стихотворению. Меняется и временной контур зачина: вместо слияния мгновенной картины и вечного повторения актуализируется личное и вместе с ним историческое время. Мысль поэта качнулась от светлой радости и «духовного веселья» [8, с. 203] христианского искусства к другой его грани – «гиератической важности, религиозной простоте и торжественности» [Там же, с. 208], если переадресовать Мандельштаму его слова об Ахматовой. В 1952 году Б. А. Филиппов, один из соиздателей американского собрания сочинений Мандельштама, заблуждаясь в отношении хронологии, был уверен, что «Люблю под сводами седья тишины...» – доцензурный вариант, а в зачине «Исакий под фатой молочной белизны...» «слегка притушен религиозный строй» после советской цензуры [17, с. 46]. Эта ошибочная версия симптоматична.

Оставшийся фрагмент, одинаковый в обеих редакциях, получает в них разную подоплёку. Попробуем уловить это колебание смысла, ощутимое только в сравнении обеих редакций. Как если бы это была река с двумя истоками, и она предстала бы как две параллельных реальности, несущих в себе разные возможности.

Реалии второй строфы относятся к канону Страстной пятницы, но в метафорическом соотношении плащаницы и ветхого невода рыбаков Генисаретского моря (или невода из притчи) происходит обратный отсчёт времени евангельской истории. Это уже не только Страстная седмица, но и намёк на будущих апостолов и истоки Церкви. «Генисаретский мрак» Великопостных седмиц в таком контексте представляет криптограмму, где слово «мрак» имеет разнонаправленную соотносённость и в микроконтексте, и в подтексте. Применительно к Страстной неделе оно вполне ясно и намекает не только на мрачный смысл евангельских событий, но и на символическую тьму над Голгофой. Этот образ явно соотносится с некоторыми семантическими гранями «чёрного солнца», буквально пронизывающего всю книгу «Tristia» [24, р. 126] и эссе «Скрябин и христианство». Р. Пшибыльский обыгрывает антитезу «чёрного солнца» и «золотого солнца» дароносицы [25, р. 121] как ёмкие символы смерти и бессмертия. Применительно к Генисаретскому морю слово

«мрак» может подразумевать духовную тьму и трагическую историю Церкви. Вспоминается и «митра мрака» из стихотворения «Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...». Первый зачин оттеняет тему Христа и Церкви, его невесты. Второй зачин более строго и однотонно соединяется со строфой, развивая погребальную тему пасхальной литургии, тему страстей Господних.

Трагический настрой третьей строфе придают ёмкие эпитеты, усиленные рифмой: «иерея возглас *сырый*», «одичалые порфиры». Е. А. Тоддес указывает как на источник последнего образа на стихотворение Баратынского «Последняя смерть» [21, с. 38], которое завершается видением земли без людей. «Мандельштама мучила мысль о земле без людей», – вспоминала Н. Я. Мандельштам [5, с. 494]. Сходные визионерские порывы, вдохновлённые тем же источником, породили целый мотивный комплекс в лирике М. Зенкевича: от знаменитой книги «Дикая порфира» до неопубликованного замысла «Под мясной багряницей». Порфира (багряница) в мандельштамовском «Исаакии» подразумевает в первую очередь праздничные одеяния священников, перенося на них признак одичалого мира за стенами собора. Но коннотации, восходящие к Баратынскому и Зенкевичу, создают эсхатологический подтекст. Ещё более уместно выглядит евангельская аллюзия: «И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели на Него багряницу» (Лк. 19: 2). Контрапунктом звучат «ветхозаветный дым на тёплых алтарях» и «снег чистый на плечах» священника, воплощая возвращение к истокам христианства в России 1920-х, в холоде и «чаде небытия». Слово сочетание «Смирненник царственный», однако, может относиться не только к служителю, но и к самому Иисусу. Р. Пшибыльский считает образ иерея субститутом образа Спасителя, Царя Царей и смиренного Агнца [25, р. 121]. В ранней редакции проступает игра прямых и метафорических значений «молочной белизны» – «снега чистого», равновесие царственности и сиротства в одичалом мире, радости и скорби. Поздняя редакция зачина вновь усиливает печаль и скорбь.

Семантическую основу следующих строк «Исаакия» составляет характерная для творчества Мандельштама 1920-х годов «хлебная» метафорика, исследованная в работах С. Бройда, К. Тарановского, О. Ронена, особенно подробно – в статье Е. Тоддеса [22]. Здесь она восходит к «христианской символике духовного хлеба» [20, с. 56], в частности, к притче о сеятеле [23, р. 136], к некоторым фрагментам евангелий и апостольских посланий [22, с. 186-187], к мифологическому субстрату [Там же, с. 192-193], к евхаристической символике. Показан алгоритм семантических ходов метаморфного образного ряда. Можно только добавить, что архаика мифа об умирающем и воскресающем божестве более явно проступает в пасхальной образности первой редакции стихотворения об Исаакии.

Самой сокровенной мыслью стихотворения, ради которой оно, быть может, и написано, становится признание в верности русскому храму: «Не к вам влечётся дух в години тяжких бед, / Сюда влачится по ступеням / Широкопασмурным несчастья волчий след, / Ему ж вовеки не изменим» [8, с. 154]. Если вспомнить, что в годы написания стиха разворачивалась история с литовским подданством Мандельштама, это признание приобретает жизненную конкретность и превращается в ритуальный текст выбора судьбы. Не исключено, что первоначальный замысел менялся именно в этом направлении. Мандельштам в 1921 году, после уговоров Юргиса Балтрушайтиса, подал документы в Литовскую миссию о принятии литовского гражданства, но затем передумал, догадываясь, чем ему может грозить решение остаться в России. Трудно сказать, как хронологически соотносится написание стиха и принятие поворотного решения. Письмо о хлопотах датируется маем-июнем 1921 года [11, с. 28], т.е. между первой и второй редакцией. Возможно, переделанное стихотворение стало для Мандельштама своеобразной укрепляющей дух молитвой и сыграло определённую роль в истории несостоявшегося спасения. Эта версия причины изменений, внесённых в текст, не противоречит двум другим. Кампания властей по изъятию церковных ценностей, о которой говорит Е. Тоддес [21, с. 39], коснулась Исаакиевского собора в мае 1922 года, 6-го мая был арестован патриарх Тихон, а в конце мая в Берлине выходит в свет вторая редакция «Исаакия». Гибель Н. Гумилёва могла встать в ряд знаковых событий, углубивших трагическую сторону мандельштамовского христианства, чем объясняется переключки с «Заблудившимся трамваем» в «Исаакии» [4, с. 36]. Эта версия имеет расширенный вариант, подразумевающий также панихиду по Пушкину, смерть Блока и, как итог, вариант авторского мифа о Смерти поэта [19, с. 33-36].

Е. А. Тоддес связывает воедино приятие революции Мандельштамом и христианскую линию его идеологии: «Русская революция и христианство мыслятся как духовно и исторически соотносимые феномены: –евободен раб» – «И сохранилось <...> // Зерно глубокой полной веры». По-видимому, источники свободы здесь – и христианство, и революция, что переводит проблему –еумерек свободы» в иную плоскость. Это и нечто в корне иное, чем –неосвящённый мир» начала гражданской войны в стихах о патриархе Тихоне» [21, с. 39]. Думается, что **строка** «зане свободен раб, преодолевший страх» [8, с. 131] в большей степени возрождает евангельские мотивы и **обращена** поэтом не к освобождённым революцией рабам, а к самому себе и к идеальному носителю культуры-церкви. Весь исторический контекст начала 1920-х, а именно расправа над священнослужителями, изъятие церковных ценностей, осквернение церквей, подавление восстания в Кронштадте, другие расстрельные акции, общее отношение власти к инакомыслию и т.п. – всё это усложняет обозначенную Е. А. Тоддесом логику развития идеологии Мандельштама. Тот факт, что стихи с насыщенной религиозной символикой были обречены увидеть свет только в эмигрантских изданиях, вряд ли поддерживал в поэте его утопию сближения христианства и революции. Эта утопия, несомненно, имела место, но она постоянно вступала в диалог с трезвым осмыслением происходящего и реальной логики его развития. Поливариантность и амбивалентность поэтики Мандельштама, быть может, во многом питались этим балансированием идеальных чаяний и построений, с одной стороны, и трагических откровений – с другой. Не исключено, что потребность в создании второй редакции «Исаакия», выдержанной в более скорбных тонах, возникла у поэта именно в связи

с тем, что маятник его мысли качнулся в сторону неизбежности трагического исхода. Принятое Мандельштамом решение остаться в России заставило его иначе взглянуть на свою позицию и своё будущее.

Таким образом, сравнение двух редакций стихотворения об Исаакиевском соборе, которые, по нашему предположению, в определённый момент сосуществовали в поэтическом хозяйстве Мандельштама, говорит о внутренней динамике его христианских исканий и соответствующих мотивных комплексов. Литургические, архитектурные, ветхозаветные, евангельские, русские мотивы в ранней редакции стихотворения отражают тот аспект христианской эстетики в понимании Мандельштама, который наиболее полно был воплощён в эссе «Скрябин и христианство»: «свободное и радостное подражание Христу» [8, 202], сплав скорби и духовного веселья. Во второй редакции стихотворения об Исаакии поэт исключает архитектурную образность и сосредотачивается на трагических аспектах христианства, подразумевая судьбу христианского художника и русской Церкви. Наряду с уже названными в литературе причинами изменений, внесённых в стихотворение (гибель Гумилёва, смерть Блока, кампания по изъятию церковных ценностей), следует назвать и принятое поэтом решение остаться в России и встретить уготованную ему судьбу.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Соч.: в 2-х т. / сост. П. М. Нерлера; подг. текста и комментарии А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 5-64.
2. **Гумилёв Н. С.** Соч.: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. 590 с.
3. **Завадская Е. В.** Небесный Иерусалим и пути к нему, начертанные поэтом Осипом Мандельштамом // Лики культуры: альманах. М.: Юность, 1995. Т. 1. С. 456-467.
4. **Левинтон Г. А.** Мандельштам и Гумилёв. Предварительные заметки // Столетие Мандельштама. *Mandelstam Centenary Conference. Tenafly*: Эрмитаж, 1994. С. 30-44.
5. **Мандельштам Н. Я.** Вторая книга. М.: Согласие, 1999. 750 с.
6. **Мандельштам О. Э.** Камень. Серия «Литературные памятники». Л.: Наука, 1990. 398 с.
7. **Мандельштам О. Э.** Полн. собр. соч. и писем: в 3-х т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Мец. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. 808 с.
8. **Мандельштам О. Э.** Собр. соч.: в 4-х т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. Стихи и проза. 1906-1921 / сост. П. Нерлера, А. Никитаева. 369 с.
9. **Мандельштам О. Э.** Собр. соч.: в 4-х т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 2. Стихи и проза. 1921-1929 / сост. П. Нерлера, А. Никитаева. 704 с.
10. **Мандельштам О. Э.** Собр. соч.: в 4-х т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3. Стихи и проза. 1930-1937 / сост. П. Нерлера, А. Никитаева. 528 с.
11. **Мандельштам О. Э.** Собр. соч.: в 4-х т. М., 1999. Т. 4. Письма / сост. С. Василенко, П. Нерлера, А. Никитаева, Ю. Фрейдина. 608 с.
12. **Мандельштам О. Э.** *Tristia*. Пб. – Берлин: *Petropolis*, 1922. 75 с.
13. **Марголина С. М.** Мировоззрение Осипа Мандельштама. *Marburg / Lahn: Blaue Hörner Verlag Bernd E. Scholz*, 1989. 210 с.
14. **Милиц Б. А.** Две редакции стихотворения Мандельштама об Исаакиевском соборе: проблемы текстологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24). Ч. 1. С. 132-136.
15. **Мусатов В. В.** Ночь над Евфратом // «Отдай меня, Воронеж...»: третьи международные Мандельштамовские чтения: сб. ст. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1995. С. 170-176.
16. **Накануне**: литературное приложение к № 51. Берлин, 1922. 29 мая (воскресенье). № 5.
17. **Нерлер П. М.** Осип Мандельштам и Америка. М. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2012. 182 с.
18. **Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников**. М: Наталис, 2001. 544 с.
19. **Сураг И. З.** Мандельштам и Пушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 384 с.
20. **Тарановский К. Ф.** О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
21. **Тоддес Е. А.** Поэтическая идеология // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 30-44.
22. **Тоддес Е. А.** Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама начала 20-х годов // Тыняновский сборник: третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1988. С. 184-217.
23. **Broyde Steven.** Osip Mandel'stam and His Age: A Commentary on the Themes of War and Revolution in the Poetry 1913-1923. Cambridge (Mass.) – London: Harvard University Press, 1975. 245 p.
24. **Goldberg Stuart.** Mandelstam, Blok and the Boundaries of Mythopoetic Symbolism. Columbus (Ohio): Ohio State University Press, 1971. 305 p.
25. **Przybylski Ryszard.** An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. Ann Arbor: Ardis, 1987. 226 p.
26. **Ronen Omry.** An Approach to Mandel'stam. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University, 1983. 396 p.

TWO EDITIONS OF POEM ABOUT ST. ISAAC'S CATHEDRAL BY O. MANDELSTAM: TO PROBLEM OF POLY-VARIABILITY

Mints Bella Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
bella-mints 7@yandex.ru

The article presents the comparative analysis of two editions of Mandelstam's poem about St. Isaac's Cathedral in the context of poly-variability problem, i.e. the typical coexistence of different versions of lyrical texts and motivic complexes in Mandelstam's poetry and creative mind. The processing of the poem is considered in connection with the deep processes of creative self-determination of the poet. The author of the article suggests her own hypothesis explaining the changes made in the poem by Mandelstam.

Key words and phrases: poly-variability; motivic complex; edition; metaphors; figurative code.